

Впереди отряда ехали Балдуин и Бад. Сяо Юй подъехал к ним, слегка поправив неудобную маску. Голос из-за жажды звучал хрипло:

— Где будем ночевать?

Балдуин, услышав его голос, повернулся, снял один из бурдюков с седла и протянул ему:

— Если сегодня доберёмся до Каги, остановимся там на ночь, а утром двинемся через Иордан.

У Сяо Юя на седле тоже был бурдюк, но раз Лайт уже протянул свой, отказываться было невежливо. Он взял его, приподнял маску, сделал глоток и повесил к своему багажу.

После этого отряд долго шёл в тишине.

Кага была маленьким городком в пустыне. Если смотреть с дальнего дюна, этот городишке был единственным оазисом в бескрайнем море песков. Пёстрые ворота, изъеденные долгими годами песчаных бурь, едва держались, но всё же стояли, хотя облупившиеся стены создавали ощущение зыбкости, и никто не сомневался, что они рухнут при первой же атаке сарацинов.

Рыцарь, отправленный в разведку, быстро вернулся и жестами показал, что в городе всё спокойно. Получив кивок Балдуина, Бад поднял руку и махнул. Рыцари натянули поводья и рванули вниз к воротам, и могучий отряд приблизился к городу.

В городе Бад отправил людей на рынок, попытаться обменяться на полезные припасы. Местная гостиница была слишком мала, и Балдуин приказал снять несколько домов у ворот, чтобы рыцари могли немного отдохнуть перед утром.

Сяо Юй и Балдуин остановились в одном дворе — в конце концов он не был рыцарем гвардии, а лишь другом Балдуина, сопровождавшим их. Бад и Эдуард, командиры гвардии, заняли другой двор на случай ночных происшествий.

Шум во дворе постепенно утих, рыцари один за другим возвращались в свои комнаты, звуки шагов и лязг оружия иногда нарушали тишину — было слышно, что рыцари, раньше болтавшие или тренирующиеся во дворе, теперь готовились ко сну.

Сяо Юй сидел за столом, не шевелясь, и пристально смотрел на предмет перед собой. На столе лежал кинжал, которым он редко пользовался. В отличие от его изысканного дамасского клинка, этот кинжал не имел никаких узоров, на рукояти были лишь грубо нацарапаны линии. Лезвие, давно не использовавшееся, затупилось и тускло блестело, на нём даже были зазубрины — это был грубый, заурядный кинжал.

Но человек, подаривший этот кинжал, был совсем не прост.

Сяо Юй вздохнул и медленно провёл пальцем по лезвию, ощущая холод металла. Кончики пальцев всё ещё помнили ледяной холод, который он ощутил, когда впервые получил этот кинжал. Воспоминания, скрытые на дне памяти, вдруг выплыли, накрыв его мысли. В памяти он снова видел того человека: взгляд был абсолютно спокоен, даже когда Сяо Юй застал его на месте убийства.

Хоть Сяо Юй и видел прежде куда более ужасные сцены, он всё равно был ошеломлён и не мог шевельнуться, готовясь к смерти. Однако, к его удивлению, тот человек ничего не сделал, лишь на мгновение задержал на нём свой чёрный, бездонный взгляд, а затем продолжил своё дело.

Это странное противостояние закончилось, когда человек завершил работу. Сяо Юй наблюдал, как он поднял окровавленный кинжал и небрежно вытер его рукавом. Затем он повернулся к Сяо Юю в углу и внезапно метнул кинжал в него.

Кинжал описал дугу в воздухе и упал в сторону Сяо Юя, который благодаря тренировкам легко его поймал. Взгляды встретились, и человек слегка улыбнулся, губы изогнулись в соблазнительной дуге.

Сяо Юй всегда знал, что внешность этого человека притягательна. С любого ракурса его черты были безупречны, каждое движение излучало гипнотическое очарование, словно затягивая в бездну.

Сяо Юй редко обращал внимание на мужскую красоту, но этот человек запомнился ему из-за своей судьбы.

Когда его вместе с другими детьми забрали в организацию на обучение, ему было всего шесть лет, но его внешность уже была поразительной. Он быстро привлёк внимание наставников. С возрастом его притягательность, развиваемая специальными тренировками, становилась всё более очевидной, и вокруг него начала витать аура, сводящая с ума всех вокруг. С двенадцати лет, после тренировок по убийствам, его стали уводить на другие «занятия».

Другие дети, попавшие в организацию вместе с ним, не раз завидовали тому вниманию, которое он получал от наставников. Сяо Юй лишь усмехался, думая про себя: если бы они знали, что это за «внимание», то только испугались бы.

Этот ребёнок был гордым, Сяо Юй знал это с самого начала, хоть и не понимал, откуда взялась эта гордость. Каждый раз, возвращаясь с «тренировок», он видел, как тот дрожит, но всё равно стоит, стиснув зубы. Даже когда пот катился по его лбу, он никогда не проявлял слабости, на любые насмешки лишь усмехался, заставляя других замолчать.

Когда все начали получать задания, те, кто раньше завидовал ему, постепенно поняли из разговоров старых членов, в чем заключались его «тренировки». И тогда зависть и ненависть превратились в презрение и насмешки, а некоторые даже начали помогать ему, как и старики.

Сяо Юй однажды видел, как старики развлекались с этим мальчиком. Сцена была отвратительной и кровавой, но они, казалось, не боялись, что их увидят, ведь «задания» мальчика уже не были секретом для членов организации.

Увидев, что их застали за этим делом, они лишь скользнули взглядом по Сяо Юю, а затем продолжили своё дело. Сяо Юй лишь мельком взглянул на эту сцену, опустил голову и вышел, но в его памяти навсегда остался образ мальчика, терпящего унижения, но продолжающего бороться.

Задания, которые давали мальчику, часто были связаны с «развратом» и «одержимостью мальчиками». Организация явно рассчитывала на его внешность для выполнения задач. И он всегда справлялся, но никто не мог понять, действительно ли он использовал те методы, которые от него ожидали.

Сяо Юй думал, что, возможно, его гордость будет постепенно сломлена, и он станет просто пустой оболочкой, или же этот сильный духом мальчик сможет перевернуть всё и взять свою судьбу в свои руки.

Пока старшие члены организации один за другим не начали умирать при загадочных обстоятельствах, и Сяо Юй начал подозревать, что это начало его мести.

И только когда он застал мальчика за убийством одного из тех, кто издевался над ним, Сяо Юй впервые по-настоящему столкнулся с этим человеком, прекрасным, как мак.

Бросив кинжал Сяо Юю, мальчик вытер кровь с рук о занавеску. Звук его кожаных сапог, гулко отдававшийся в пустой комнате, стал единственным звуком, кроме их тихого дыхания. Кровать в комнате была полностью пропитана кровью, а из-под края одеяла виднелась рука в пене.

<http://bllate.org/book/16685/1531078>